

“Сначала раздενьтєсь, нечего тут в пальто ходить! — заорала на нас буфетчица Центрального Дома литераторов, одетая в четыре свитера. — А вы со мной рассчитайтєсь, разговоры будете разговаривать потом!” Это уже не нам, это двум пожилым интеллигентного вида мужчинам, пытающимся поправить входящую даму. Ощущение — давно забытое. Сатанист и порнографист, по определению критиков, Виктор Ерофеев робко интересуется, почему нет лимона.

— В меню не указан! — воинственно сообщает существо за прилавком.

И мы с отцом “Русской красавицы” отправляемся в угол, за уютный столик, который сочли самым теплым.

— Когда вы поняли, что талантливы?

— Мой талант был связан с разочарованием в других. Я не из писательской среды и не знал, что такое писать. Но у меня в голове постоянно рождались мыльные оперы. И постепенно я стал понимать, что другие люди этого делать не могут. Когда мне было 18 лет, я познакомился с Аксеновым, показал ему свои ранние рассказы. Он мне подарил книжку, на которой написал: “Виктору Ерофееву с уважением к его таланту”. Так мой талант был обозначен.

А мама в детстве все время запугивала меня: все вокруг вундеркинды, а один я такой — без слуха, без голоса, безграмотный. Я действительно до 8-го класса писал с кучей ошибок, а потом взял летом и выучил весь учебник по русскому языку.

— Наверное, главная задача родителей — дать ребенку правильную самооценку. Вы ведь об этом пишите в своей последней книге “Мужчины”. О том, что сейчас “острый дефицит недооценивающих себя женщин”.

— Детей очень трудно воспитывать. Очень важно найти баланс и не воспитать, с одной стороны, вундеркинда, который к периоду полового созревания уже весь перегорит и будет опустошенным человеком, а с другой — не превратить его в сорную траву.

МУЖЧИНЫ

— “Если все-таки разобраться, куда они, эти русские мужчины, скажут, то выяснится, что скажут из вечера в завтра, перепрыгивая через сегодня”. “Русский мужик встает с карачек”... Вы себя к русским мужчинам вроде как и не относите?

— Это отстраненность жанра, прием. О мужчинах нельзя написать художественный текст и не художественный нельзя. Я написал ровно посередине: “я” автора и “я” повествователя то соединяются, то расходятся. Из-за этого появляется странная щель, и туда как раз и затекает энергия текста. Есть элементарное правило: когда что-то делаешь, надо от этого отстраниться, посмотреть со стороны, будто в первый раз.

Я сейчас приезжаю в Россию с какими-то заимствованными глазами. И сразу замечаю здесь восточные шаркающие походки, слышу, как мы говорим не горлом, а животом. Я культивирую в себе это, я считаю, литература ничего не сделает, если в нее не войдет двукультурность.

Русский мужчина — это какое-то худое, пустое понятие, в отличие от полнокровного “русские женщины”. Русским женщинам очень трудно, и иностранные мужчины им небольшая опора. На самом деле, здесь в России у людей очень развито воображение. В других странах оно подстрижено, как газон. Там мужчины больше похож на мужчину, у него есть честь и достоинство, он знает свои пределы, дальше которых его уже нельзя сломать. Нашего же можно растоптать до беспредела, наши мужчины мне напоминают двигатель внутреннего сгорания, который показываю на уроке физики. Учительница крутит ручкой, и ходят поршни, там все видно. Где тщеславие, где самолюбие, где обидчивость, где порыв, где карьера. Но с западными мужчинами скучно. И в этом — ловушка.

— У вас есть друзья среди русских мужчин?

— Я понял, что друзья познаются не в беде. Когда меня не печатали восемь лет, держали за горло за альманах “Метрополь”, когда КГБ предупре-

дал моих друзей, никто от меня не отвернулся. А вот когда вышла “Русская красавица”, которая сразу же была переведена на 15 языков, то многие друзья этого не пережили.

Успех был абсолютно не подготовлен, успех литературный вообще нельзя подготовить, это подарок с неба. Я пришел в издательство, у меня было три очень красивых издательши, они повели меня в ресторан, налили шампанского и сказали: “Держись за стул: на прошлой неделе на Франк-

абсолютно чистой ненавистью, по мне можно изучать, что такое чистая ненависть.

ЧИТАТЕЛИ

— У вас есть любимый читатель?

— Когда я читал с эстрады в перестроечные времена, то с одной стороны было такое бешенство, было ощущение, что могут прибить. Я всегда замечал по аудитории, что чем больше

Виктор ЕРОФЕЕВ:

“НЕ БОЯТСЯ ОДНИ ДУРАКИ!”

Он существует, как Россия, между Востоком и Западом. Между Богом и Дьяволом. Ему нельзя не верить, его невозможно разгадать. Он никогда не уходит от ответа. Говорит подробно и очень доброжелательно. И улыбается. Но от его улыбки начинают дрожать коленки, пропадают слова и садятся батарейки в диктофоне. Никакой современный русский писатель не вызывает столько споров, столько ненависти и зависти. И никого из наших писателей не печатают миллионными тиражами во всем мире.

фуртской ярмарке 12 лучших издательств мира купили тебя за огромные деньги”. Но по прошествии двух недель, когда в голове улеглось шампанское, мало что изменилось.

Я просто стал аккуратней в обращении с людьми. И у меня не стало времени общаться с друзьями. А друзья требуют любви. Иногда им кажется, что моя любовь — это снисходительное похлопывание по плечу. Признание того, что успех мне по-настоящему принадлежит, очень плохо проходило через моих друзей. А как упорно не признает меня наша критика!

НЕНАВИСТЬ

— Критика — это своего рода реклама?

— Критика бывает разной. Есть скандалы, которые помогают, а есть критика, которая умеет бить точно. Она пишет: “Это скучный претенциозный текст”. Это не реклама — это приговор.

— Почему так происходит, что многих людей вы раздражаете? Может, вы просто цепляете людей за что-то живое, вытаскиваете из них то, чего они сами боятся?

— Вы правы, люди защищаются. То, что я пишу, — разговор с человеческой подкоркой. А люди иногда путают подкорку с другими органами. Я ничего не читаю о себе, понял, что это опасно. Люди, которые пишут гадости, раздражают меня какими-то бациллами. Но вот в последнем номере “Континента”, мне друг прочитал по телефону, написано, что я главная порнозвезда города Москвы, а может быть, и мира. И это только что вышло! Деструктивно рассматривать чужие ненависти, чем его обижает. Какую рецензию на меня написали в “Новом мире”? Она называлась “Русский маркиз де Сад, или Ерофеев без алиби”. Каждое слово дышит

среди нее некрасивых женщин, тем больше будет злобы и ненависти. Мои читательницы — это симпатичные еврейские девушки. Это я за Есениным повторяю.

— Действительно, женщины вас всегда любили. За что?

— Это также трудно понять. Наверно, те, кто готов допустить меня в свою подкорку, получают от этого удовольствие. Отчасти я думаю, что это удовольствие неприличного толка.

— На вас можно подсесть, как на наркотик?

— Кстати, меня наркоманы очень любят. Мужчины — наркоманы, а женщины — эротоманки. Шутка. Думаю, те, у кого прочищены какие-то каналы, если говорить самым вульгарным оккультистским языком, воспринимают меня совершенно спокойно. А у кого там засрано, тем больно, когда я туда лезу. Получается, что некоторыми рассказами я сажаю читателя на кол, то есть рвется задница.

РУССКИЕ КРАСАВИЦЫ

— Что надо сделать, чтобы познать женщину и писать от ее имени, как вы в “Русской красавице”?

— Надо расслабиться. Вся эта плейбоевско-казановская энергия, которая рассматривает женщину как инструмент и объект, совершенно бесполезна. Я подсаживаюсь на интонацию женщины, и она ведет меня к ее пониманию. Как и литература, я стараюсь услышать, что мне говорят. Ведь литература — это не ремесло. Булгаков абсолютно ошибочно назвал свой роман “Мастер и Маргарита”. Писатель не мастер, он гораздо слабей, чем его слово. Вот Платонов, у него была полная путаница в жизни, но он включал свой резонатор, слушал и услышал “Котлован”.

Многие считают, что я высокомерный и жесткий человек, который все в жизни очень твердо расставляет на свои места. На самом деле я чувствую себя достаточно бесправным. То же самое, если говорить о женщинах, — их надо слушать и слышать без напряжения. Женщина изначально построенная на противоречиях. Она всегда интересней, чем мужчина. А идея женского соблазна — это абсолютная кривая, где она постоянно себе противоречит.

Меня Комсомолец - 1997, - 22 ноября - с. 2



Фото Андре Виллер.

взаимоотношения мужчин и женщин свою специфику. Ведь мы находимся между двух больших культур — восточной и западной. Эти культуры нашли формы проживания, одни в созерцании, как индусы, другие в действии, как немцы. А у нас все перепутано.

— Как вас может завоевать женщина?

— С одной стороны, меня очень легко завоевать, в глубине души я наивен. Умелым обольщением от меня можно будет добиться нужного результата, но временного. Человеческая глупость меня очень разочаровывает. Но поначалу может заворочить даже глупость и вульгарность, блядство и беспардонность. Особенно меня интригуют сильные натуры.

— Встречались ли вам в жизни женщины, которые были сильнее вас, и вы боялись, что они могут вас задавить?

— Меня очень трудно задавить. Я сейчас пишу книгу о пяти реках мира, это пять разных культур, пять историй. Собираюсь на Конго. Меня сопровождают по этим рекам берлинская журналистка. Она очень сильная, способная женщина, феминистка. Такие женщины говорят, что их боятся все мужчины. Но в глубине этих женщин заложены такие тонны депрессии и неврозма! Это я о них написал, что “будь на то моя воля, я бы истеричкам и психопаткам, неврастеничкам и прочим адвентисткам предменструального дня рубил бы кукури головы”. Кукури — это непальские ножи.

И он ушел за кофе, а когда вернулся, за ним прибежала буфетчица и, кидая в писателя червонцем, закричала: “Это вы мне на чай, что ли, оставили?”. Пришлось долго извиняться за забытую сдачу.

— Чем вас можно обидеть?

— Меня нельзя обидеть. Обижаться — занятие не достойное мужчины.

— Если бы так считали все мужчины!

— Да, у нас катастрофа с мужчинами.

— Так куда русской красавице податься?

— Русской красавице надо идти к другой русской красавице, по крайней мере сейчас. Я вообще считаю, что левобийская тема не случайно очень серьезно прозвучала в Москве в конце 70-х — начале 80-х годов и у меня в романе “Русская красавица”. Они хохотали над мужиками и весело валились друг с другом в кровать. Сейчас все это официально признанные сексуальные меньшинства немножко ломают кайф от спонтанности. Это стало модно, вырабатываются свои официальные структуры, голубые ходят со своими голубыми мордами и еще на что-то претендуют.

Мы окончательно замерзли и оглохли от криков буфетчицы, и ерофеевская “Вольво” кажется разом на колесах. Она везет меня до моей желтой подружки-шестерки, которую я с редким умением запарковала в километре от ЦДЛ.

ПРОСТО ТАК

— Сейчас вы опять уезжаете?

— В Калифорнии в Эссалонском институте буду читать лекции. Это тот институт, который пригласил Ельцина, когда никто не мог понять, пьяный он или нет. Мне сказали хозяева этого института по секрету, что в тот момент президент был трезв, просто он принял транквилизаторы.

— У вас есть свой холостяцкий угол?

— У каждого мужчины есть такой угол, как и у женщины. В любых отношениях должен быть люфт.

— Есть какие-то вещи, которые вы не можете простить никогда?

— Наверное, я плохо отношусь к тем, кто не умеет себя адекватно оценивать.

— Но таких людей большинство, это то, к чему порой человек идет в течение всей своей жизни.

— Да, таких людей 95 процентов, значит, и это я могу простить.

Закрывает он грустно, и я почему-то перестаю его бояться.

— В своем эссе “Боль за народ” вы пишете: “Я испытываю боль за русский народ, потому что он вял и сир, а я излучаю энергию. Когда-нибудь я поделюсь с ним своей энергией. Но еще не настало время”. Когда это время придет?

— Я даю это интервью, значит, уже приступил к этому.

Милана БОГДАНОВА.